

27

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

**ДЕЛО «ДЕНИСОВА И МОИСЕЕВА (DENISOVA AND
MOISEYEVA) ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

(Жалоба № 16903/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

1 апреля 2010 г.

*Данное Постановление становится окончательным при соблюдении условий
п. 2 ст. 44 Конвенции. Текст может быть дополнительно отредактирован.*

В деле «Денисова и Моисеева против Российской Федерации,
Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд)
(Первая секция), заседая Палатой на совещании за закрытыми дверями
11 марта 2010 г. в следующем составе:

К. Розакис, *Председатель Палаты,*

Н. Вайич,

А. Ковлер,

Х. Хаджиев,

Д. Шпильманн,

Дж. Малинверни,

Дж. Николау, *судьи,*

а также при участии Андре Вампача, *заместителя Секретаря Секции
Суда,*

принял следующее Постановление указанного выше числа:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 16903/03, поданной 8 июля 2002 г. в Европейский Суд против Российской Федерации в соответствии со ст. 34 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) двумя гражданками Российской Федерации: Наталией Михайловной Денисовой и Надеждой Валентиновной Моисеевой (далее - заявители).

2. Заявители были представлены К. Костроминой, адвокатом московского Центра содействия международной защиты. Власти Российской Федерации были представлены в Европейском Суде П. Лаптевым, являвшимся в то время Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявители, в частности, заявляли о нарушении их права на беспрепятственное пользование имуществом.

4. 9 сентября 2005 г. Европейский Суд решил коммуницировать жалобу по поводу предполагаемого нарушения прав собственности заявителей властям Российской Федерации. Согласно положениям п. 3 ст. 29 Конвенции, Европейский Суд решил рассмотреть жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявители, 1949 и 1978 годов рождения соответственно, проживают в Москве. Они являются женой и дочерью Валентина

Моисеева, который также выступал в качестве заявителя в Европейском Суде (см. Постановление Европейского Суда от 9 октября 2008 г. по делу «Моисеев против Российской Федерации» (*Moiseyev v. Russia*), жалоба № 62936/00).

А. Уголовное судопроизводство против Моисеева

6. 3 июля 1998 г. Следственным управлением Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ) было принято постановление о возбуждении уголовного дела в отношении Моисеева. В 23-30 в квартире заявителей был проведен обыск. Были изъяты иностранная валюта, ключи и регистрационные документы на автомобиль «ВАЗ», а также персональный компьютер второго заявителя. Одновременно обыск был произведен на рабочем месте Моисеева. В общей сложности следователи изъяли 5 747 долларов США.

7. 10 июля 1998 г. следователь изъясил у первого заявителя ключи от гаража № 178.

8. 13 июля 1998 г. Моисееву было официально предъявлено обвинение в государственной измене по ст. 275 Уголовного кодекса.

9. 22 июля 1998 г. следователь вынес постановление о наложении ареста на автомобиль «ВАЗ» в целях «обеспечения возможной конфискации имущества обвиняемого в соответствии со ст. 175 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР».

10. 1 сентября 1998 г. следователь направил директору банка «СБС-Агро» постановление о наложении ареста на денежные вклады на валютных и рублевых счетах Моисеева.

11. 16 сентября и 12 ноября 1998 г. следователь вынес постановления о наложении ареста имущество, а именно на гараж и компьютер. 16 ноября 1998 г. компьютер был изъят из квартиры заявителей и помещен в хранилище вещественных доказательств Федеральной службы безопасности.

12. 29 марта 1999 г. второй заявитель обратилась к следователю с просьбой о возврате компьютера, который являлся ее личной собственностью. 12 апреля 1999 г. в ответ на данное заявление следователь сообщил, что компьютер был изъят в целях обеспечения возможной конфискации имущества Моисеева, а на жестком диске был обнаружен ряд файлов, которые редактировал Моисеев. Второму заявителю сообщили также, что в случае необходимости ее текстовые файлы будут скопированы и переданы в ее распоряжение.

13. 8 июня 1999 г. следователь вынес постановление о приобщении изъятых 5 747 долларов США в качестве вещественного доказательства. 15 июня 1999 г. Финансово-экономическое

Управление «Комитета государственной безопасности СССР»¹ выдало квитанцию о приеме на хранение денежных средств.

14. 14 августа 2001 г. Московский городской суд признал Моисеева виновным в государственной измене, совершенной в период с 1992 по 1998 гг., и приговорил его к четырем годам и шести месяцам лишения свободы, а также к конфискации имущества. В части, относящейся к вопросам имущества, приговор гласит:

«Показания гражданина Моисеева данные им в ходе предварительного следствия о том, что он получил вознаграждение за информацию, переданную представителю иностранного государства, были подтверждены протоколами обыска, где отмечено обнаружение долларов США как в служебном кабинете, так и по месту его жительства. Свидетель Б. подтвердил, что при обыске было обнаружено 4 647 долларов США, разложенных в нестандартные конверты.

И гражданин Моисеев, и его жена гражданка Денисова, которая была допрошена в судебном заседании в качестве дополнительного свидетеля, при обыске присутствовали, но каких-либо замечаний не заявили. Соответственно, суд считает, что решение о приобщении 1 100 долларов США, изъятых на рабочем месте Моисеева, 4 647 долларов, а также семи конвертов в качестве вещественных доказательств, было обоснованным...

С учетом общественной опасности совершенного преступления суд принимает решение о конфискации имущества гражданина Моисеева. Судьбу вещественных доказательств суд разрешает в соответствии со ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР...

Конфискацию обратить на имущество, на которое был наложен арест: [автомобиля «ВАЗ», иностранных валютных и рублевых счетов, гаража № 178, а также компьютера], включая денежные средства в сумме 5 747 долларов США, нажитые преступным путем».

15. 3 января 2002 г. первый заявитель обратилась в Верховный суд с заявлением об освобождении имущества, принадлежащего ей как супруге от ареста, и об исключении гаража из описи ввиду того, что он находился не в собственности, а в аренде. Ответа на ходатайство она не получила.

16. 9 января 2002 г. Верховный суд оставил обвинительный приговор в силе.

В. Исполнение решения о конфискации

17. 4 марта 2002 г. Московский городской суд направил в финансово-экономическое Управление ФСБ выписку из решения от 14 августа 2001 г. для исполнения решения о конфискации денежных средств. Сопроводительное письмо гласило:

«Согласно приговору конфискации должна быть обращена на денежные средства гражданина Моисеева в сумме [нечитаемо] долларов США, как

1. Так в заголовке документа. Комитет государственной безопасности («КГБ») является предшественником Федеральной службы безопасности.

нажитых преступным путем и хранящихся в Управлении согласно квитанции № 1013 от 15 июня 1999 г.».

18. 18 марта 2002 г. Московский городской суд для исполнения приговора о конфискации имущества Моисеева по месту его проживания, автомобиля «ВАЗ», гаража, банковских вкладов и компьютера выдал пять исполнительных листов.

19. 27 марта 2002 г. денежные средства, переданные финансово-экономическим Управлением Федеральной службы безопасности, в сумме 5 747 долларов США были Внешторгбанком обращены в доход государства.

20. 25 мая 2002 г. судебный пристав-исполнитель вынес постановление о прекращении исполнительного производства в отношении имущества, расположенного в квартире Моисеева, ввиду того, что имущество, на которое должно было быть обращено взыскание, обнаружено не было.

21. Постановлением от 20 июня 2002 г. судебный пристав-исполнитель принял решение об изъятии и реализации компьютера и признал исполнительное производство оконченным. 31 июля 2002 г. компьютер был оценен в 2 500 руб. и впоследствии реализован за 1 609,05 руб.

22. 17 сентября 2002 г. постановлением судебного пристава-исполнителя исполнительное производство в отношении рублевых и валютных банковских вкладов Моисеева было прекращено. Пристав установил, что в базе данных банка на имя Моисеева никаких счетов не значилось.

23. 27 ноября 2003 г. постановлением судебного пристава-исполнителя было установлено, что гараж фактически являлся разборной металлической конструкцией, расположенной на арендованном земельном участке, срок аренды которого истек. Соответственно, было установлено, что его изъятие или продажа возможными не представлялись.

24. После принятия изменений в Уголовный кодекс (см. ниже п. 34) Моисеев обратился в Московский городской суд с ходатайством об освобождении его от дополнительного наказания в виде конфискации имущества. 14 февраля 2005 г. Московский городской суд установил, что исполнение приговора в части обращения конфискации на имущество обвиняемого было окончено или прекращено в отношении всех объектов, кроме автомобиля «ВАЗ». Поскольку статья , предусматривающая дополнительное наказание в виде конфискации имущества была исключена из Уголовного кодекса, городской суд постановил снять арест с автомобиля. 6 июля 2005 г. Верховный суд Российской Федерации при рассмотрении кассационной жалобы оставил данное решение без изменения.

С. Гражданское судопроизводство по возврату семейной собственности

25. 13 мая 2002 г. первый заявитель обратилась в Хорошевский районный суд г. Москвы с иском к Межрайонному отделу службы судебных приставов и Федеральной службе безопасности об освобождении имущества от ареста и признании за ней права собственности на половину совместно нажитого в браке имущества, за исключением средств банковских вкладов. Она заявила, что состояла в браке с Моисеевым с 1978 г. и что Гражданский и Семейный кодексы Российской Федерации предусматривают равенство долей супругов в их общей совместной семейной собственности. На основании справок о заработной плате Моисеева она настаивала, что в период с 1992 по 1998 гг. он заработал более пяти тысяч долларов, соответственно, сумма в 5 747 долларов не может считаться полученной преступным путем. Она указала, что гараж был взят в аренду в 1988 г., а компьютер являлся собственностью второго заявителя.

26. 11 октября 2002 г., а также 14 и 27 февраля 2003 г. в ходе проведения судебных заседаний суд заслушал доводы сторон. Поскольку первый заявитель не согласилась на привлечение в качестве ответчика вместо ФСБ Российского фонда федерального имущества и на привлечение Моисеева в качестве соответчика, Моисеев был привлечен к участию в процессе в качестве третьего лица.

27. 27 февраля 2003 г. Хорошевский районный суд вынес решение. Далее приводится его резолютивная часть в полном объеме:

«Оценивая собранные доказательства, суд находит исковые требования [первого заявителя] не подлежащими удовлетворению, поскольку приговором Московского городского суда было установлено, что спорное имущество было нажито преступным путем, что делает невозможным признание права собственности заявителя на половину арестованного имущества, также ввиду того, что ФСБ не является надлежащим ответчиком по данному делу. Ни [первый заявитель], ни Моисеев не лишены возможности обжаловать обвинительный приговор в части, касающейся спорного имущества».

28. 18 июня 2003 г. Московский городской суд при рассмотрении кассационной жалобы оставил решение без изменения, отметив, что приговором Московского городского суда от 14 августа 2001 г. спорное имущество было признано нажитым преступным путем.

29. 20 ноября 2003 г. заявители обратились в суд с иском к Российскому фонду федерального имущества об освобождении имущества от ареста и признании права собственности первого заявителя на половину совместной собственности супругов и права собственности второго заявителя на компьютер.

30. 9 августа 2005 г. Хорошевский районный суд г. Москвы оставил их иск без удовлетворения, установив следующее:

«Согласно приговору от 14 августа 2001 г., денежные средства в сумме 5 747 долларов США были нажиты преступным путем. ... 19 марта 2002 г. они были

сданы во «Внешторгбанк» в целях конфискации и обращения в доход государства ... Соответственно, суд не может согласиться с требованием гражданки Денисовой о признании права собственности на долю, равную половине денежных средства как совместно нажитого в браке имущества. Никаких иных судебных документов, относительно происхождения спорной суммы денежных средств, в суд представлено не было, соответственно, согласно п. 2 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса, обстоятельства, установленные вступившим в силу постановлением суда по ранее рассмотренному делу, являются обязательными для суда.

Что касается требований гражданки Моисеевой о признании за ней права собственности на компьютер и периферийные устройства, то они также не могут быть удовлетворены, как не нашедшие своего подтверждения в ходе рассмотрения дела по существу. В настоящее время названное имущество конфисковано и реализовано, что подтверждается сведениями от судебных приставов о реальном исполнении приговора суда в части конфискации данного имущества».

31. 13 октября 2005 г. Московский городской суд оставил решение городского суда без изменения.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

А. Общая собственность супругов и имущество, полученное в дар

32. Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью (п. 1 ст. 256 Гражданского кодекса Российской Федерации, п. 1 ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации). Ребенок имеет право собственности на имущество, полученное им в дар (п. 1 ст. 60 Семейного кодекса Российской Федерации). Дарение не требует совершения договора в письменной форме, достаточной является передача дара, совершенная устно (п. 1 ст. 574 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В. Уголовное право и уголовно-процессуальное право

33. Уголовный кодекс гласит, что «наказание применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления» (ст. 44¹). Конфискация имущества является формой уголовного наказания, дополнительного по отношению к основному наказанию, и является «принудительным безвозмездным изъятием в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного» (ст. 52). 8 декабря 2003 г. ст. 52 из Уголовного кодекса была исключена.

¹ ст. 43 (прим. перев).

34. В редакции, действовавшей на момент осуждения Моисеева, ст. 275 Уголовного кодекса гласила, что государственная измена наказывается лишением свободы до двенадцати лет с конфискацией имущества осужденного или без таковой. 8 декабря 2003 г. упоминание возможности конфискации было исключено.

35. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, в редакции, действовавшей в то время, когда Моисеев был осужден, предусматривал следующее:

Статья 86. Меры, принимаемые в отношении вещественных доказательств при разрешении уголовного дела

«В приговоре... должен быть решен вопрос о вещественных доказательствах, при этом:

(1) орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации и передаются в соответствующие учреждения или уничтожаются;

...

(4) деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, по приговору суда подлежат обращению в доход государства; остальные вещи выдаются законным владельцам, а при неустановлении последних переходят в собственность государства. В случае спора о принадлежности этих вещей спор этот подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства...»

Статья 175. Наложение ареста на имущество

«В целях обеспечения гражданского иска или возможной конфискации имущества следователь обязан наложить арест на имущество обвиняемого, подозреваемого... или иных лиц, у которых находится имущество, приобретенное преступным путем... В случае необходимости имущество, на которое наложен арест, может быть изъято...»

С. Положения гражданско-процессуального законодательства

36. П. 2 ст. 442 Гражданского процессуального кодекса предусматривает:

«Заявленный лицами, не принимавшими участия в деле, спор, связанный с принадлежностью имущества, на которое обращено взыскание, рассматривается судом по правилам искового производства.

Иски об освобождении имущества от ареста (исключении из описи) предъявляются к должнику и взыскателю. В случае, если арест или опись имущества произведены в связи с конфискацией имущества, в качестве ответчиков привлекаются лицо, чье имущество подлежит конфискации, и соответствующий государственный орган...»

37. Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 7 «О судебной практике по применению конфискации имущества» (от 29 сентября 1953 г., с изменениями от 29 августа 1980 г.) предусматривало следующее:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА ПО ДЕЛУ
«ДЕНИСОВА И МОИСЕЕВА ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

«4. ... Суды должны иметь в виду, что при конфискации всего имущества осужденного конфискация обращается на личную собственность осужденного и на его долю в общей собственности и не может быть обращена на долю других лиц, владеющих имуществом совместно с осужденным на праве общей собственности. При этом должны быть учтены права и законные интересы членов семьи осужденного, совместно с ним проживавших...

9. Разъяснить судам, что указание в приговоре конкретно определенного имущества, подлежащего конфискации, не преграждает третьим лицам возможности доказывать в исковом порядке свое право собственности на это имущество... Поэтому суды должны принимать к своему рассмотрению такие иски, и ранее вынесенный приговор не связывает гражданский суд в разрешении возникшего спора об этом имуществе.

При этом если приговором суда установлено, что включенное в опись имущество приобретено осужденным преступным путем либо на средства, добытые им преступным путем, и лишь в целях сокрытия его от конфискации оформлено по фиктивным сделкам на имя других лиц... основанные на таких сделках иски об исключении имущества из описи не подлежат удовлетворению».

38. Постановление № 4 Пленума Верховного Суда СССР «О применении законодательства при рассмотрении судами дел об освобождении имущества от ареста (исключении из описи)» (от 31 марта 1978 г., с изменениями от 30 ноября 1990 г.) предусматривало следующее:

«9. Разрешая иск одного из супругов об освобождении от ареста принадлежащей ему доли имущества в общей совместной собственности супругов, суду необходимо учитывать, что... имущество, нажитое супругами во время брака, является их общей совместной собственностью, и в случае раздела этого имущества их доли признаются равными...

Размер доли супругов в общем имуществе и какое конкретно имущество должно быть выделено, суд определяет с учетом всего совместно нажитого имущества, включая и то, которое – в силу закона или иным образом – не подлежит конфискации. Вместе с тем, на долю каждого из супругов должно быть выделено как имущество, на которое может быть наложен арест, так и то имущество, которое не подлежало аресту...»

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 1 ПРОТОКОЛА № 1 К КОНВЕНЦИИ

39. Заявители на основании ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции утверждали, что их права собственности были нарушены в результате отказа национальных судов освободить от ареста доли общего совместного имущества супругов, принадлежащей первому заявителю, а также компьютера, являвшегося собственностью второго заявителя. Ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции предусматривает следующее:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право на уважение своей собственности. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения не умаляют права Государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов».

А. Приемлемость

40. Стороны не высказали комментариев относительно приемлемости жалобы.

41. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в рамках значения п. 3 ст. 35 Конвенции. Европейский Суд отмечает также, что данная жалоба не является неприемлемой на каких-либо иных основаниях. Таким образом, она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

1. Доводы сторон

(а) Заявители

42. Заявители утверждали, что выводы приговора суда от 14 августа 2001 г. относительно преступном происхождении касались исключительно денежных средств, а не всего упоминавшегося в тексте имущества. Это было очевидно исходя из использования в тексте множественного числа («денежные средства ... которые были получены преступным путем»); в ином случае в предложении применялось бы единственное число («имущество ... которое было нажито преступным путем») (см. выше п. 14). Более того, исполнительные листы, выданные Московским городским судом, не содержали указания о том, что имущественные объекты, в отличие от денежных средств, были получены преступным путем. Наконец, заявители отметили, что гараж был арендован в 1988 г., то есть до начала предполагаемой криминальной деятельности Моисеева, а его счета в банке «СБС-Агро» использовались только для снятия заработной платы, начисленной Министерством иностранных дел.

43. Заявители отметили, что Хорошевский районный суд не предоставил им эффективной возможности для vindикации принадлежащих им прав собственности, поскольку он просто сослался на приговор суда по уголовному делу, не проводя самостоятельной оценки обстоятельств дела. Районный суд не указал, какой орган

власти – Федеральная служба безопасности или Фонд федерального имущества – являлся надлежащим ответчиком.

44. Заявители не согласились с правовым основанием решений национальных судов и подчеркнули, что Постановление № 7 Пленума Верховного суда СССР требовало от судов установления пределов мер по конфискации личного имущества осужденного с учетом законных интересов членов семей осужденного. Тем не менее, суды Российской Федерации отказались исключить из конфискации часть совместно нажитого имущества супругов, принадлежащую первому заявителю, а также личное имущество второго заявителя.

(b) Власти Российской Федерации

45. Власти Российской Федерации утверждали, что, согласно резолютивной части приговора от 14 августа 2001 г., все имущество Моисеева, включая денежные средства, автомобиль, гараж и компьютер, были нажиты преступным путем. В обоснование своего утверждения Власти сослались на последний пункт приговора, процитированного выше в п. 14. Власти Российской Федерации настаивали, что оценка суммы денежных средств и компьютера (как фактически конфискованных предметов) не превышала 14 000 долларов США, полученных Моисеевым в качестве вознаграждения за его шпионскую деятельность.

46. Власти Российской Федерации заявили, что нарушения прав собственности заявителей не было. Приговор, предусматривающий конфискацию имущества был принят в строгом соответствии с нормами российского законодательства. По корыстным преступлениям существовала презумпция противоправного происхождения имущества подсудимого, решение об обращении конфискации на имущество могло быть принято без рассмотрения дополнительных доказательств его преступного происхождения. Ввиду приобретения имущества преступным путем Хорошевский районный суд обоснованно отказал в требовании первого заявителя о признании за нейправо собственности на долю в общем имуществе супругов.

2. Мнение Европейского Суда

(a) Обладали ли заявители законным правом требования в отношении имущества

47. Европейский Суд повторяет, что понятие «имущества» в первой части ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции имеет самостоятельное значение, не ограниченное владением материальных благ и независимое от формальной классификации во внутреннем законе: понятие «имущества» не ограничивается «существующим имуществом», но может также включать имущество, в том числе – права требования, в отношении которых заявитель вправе утверждать,

что обладает как минимум обоснованными и «законными ожиданиями» приобретения реального права собственности или иного вещного права (см. Постановление Европейского Суда по делу «*Енерийлдиз против Турции*» (*Öneryıldız v. Turkey*) [БП], п. 124, жалоба № 48939/99, ECHR 2004-XII, а также Постановление Европейского Суда по делу «*Князь Лихтенштейна Ханс-Адам II против Германии*» (*Prince Hans-Adam II of Liechtenstein v. Germany*) [БП], п. 83, жалоба № 42527/98, ECHR 2001-VIII). При том, что вещное право по своей природе является правом требования, оно может считаться «имуществом» только тогда, когда располагает достаточной правовой базой в национальном законодательстве, например, если имеется сформировавшаяся и подтверждающая его практика национальных судов (см. Постановление Европейского Суда по делу «*Конецки против Словакии*» (*Konecký v. Slovakia*) [БП], п. 52, жалоба № 44912/98, ECHR 2004-IX; Постановление Европейского Суда от 6 октября 2005 г. по делу «*Драон против Франции*» (*Draon v. France*) [БП], п. 68, жалоба № 1513/03; а также Постановление Европейского Суда от 11 января 2007 г. по делу «*Анхойзер-Буш Инк. против Португалии*» (*Anheuser-Busch Inc. v. Portugal*) [БП], п. 65, жалоба № 73049/01).

48. В отношении фактов данного дела уже отмечалось, что в ходе уголовного судопроизводства в отношении Моисеева следствием было изъято и впоследствии конфисковано на основании приговора о конфискации имущества Московского городского суда от 14 августа 2001 г. (см. выше п. 14) значительное количество предметов домашнего обихода, включая денежные средства, ключи и регистрационные документы на легковой автомобиль, ключи от гаража, а также компьютер. Исполнение решения конфискации гаража оказалось невозможным (см. выше п. 23), а в отношении автомобиля исполнительное производство было прекращено ввиду внесения изменений законодательства (см. выше п. 24). Конфискация была реально осуществлена в отношении денежных средств и компьютера, который был реализован судебными приставами.

49. В отношении денежных средств из приговора Московского городского суда следует, что сумма в 1 100 долларов США была изъята на рабочем месте Моисеева, а оставшаяся сумма в размере 4 467 долларов США – в доме семьи Моисеевых. Компьютер был изъят из комнаты второго заявителя, и стороны не оспаривали, что второй заявитель являлась его основным пользователем.

50. Первый заявитель утверждала, что она имела право собственности на долю конфискованных денежных средств как супруга, а второй заявитель настаивала на своем праве собственности в отношении компьютера. Основой жалобы заявителей являлось то, что российские суды не обеспечили им эффективной возможности требовать признания своего права собственности на указанное

имущество. Соответственно, при определении существования препятствий для права, гарантированного ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, Европейский Суд в свете вышеприведенного прецедентного права проверяет, были ли у заявителей как минимум обоснованные и законные основания на восстановление владения конфискованным имуществом.

51. В первую очередь, Европейский Суд отмечает, что Гражданский и Семейный кодексы Российской Федерации предусматривают совместное владение имуществом, приобретенным супругами в период брака. В отсутствие доказательств иной договоренности между первым заявителем и ее мужем в отношении общей совместной собственности супругов, данная базовая правовая норма и подлежала применению в рассматриваемом деле. Кроме того, согласно применимым нормам Семейного и Гражданского кодексов Российской Федерации, дети являлись законными собственниками имущества, полученного от своих родителей в качестве подарков. Переход права собственности происходил в момент передачи подарка, письменного оформления данного действия не требовалось (см. выше п. 32). Таким образом, первый заявитель имела законное право утверждать о наличии у нее права собственности на долю семейного имущества, равную доли ее мужу, а второй заявитель – на компьютер, который был подарен ей ее родителями.

52. Постановления Пленумов Верховного суда, указывало, что решения о конфискации не могут «распространяться на права других лиц, которые владеют имуществом совместно с осужденным», и требовало, чтобы суды общей юрисдикции соблюдали «права и законные интересы проживающих вместе с осужденным членов его семьи». Требование должно было быть отклонено только в случае, если в последующем гражданском процессе выяснялось – вне зависимости от обстоятельств, установленных в рамках уголовного дела – что имущество было приобретено преступным путем, но было зарегистрировано на других лиц в целях сокрытия его от конфискации (см. выше п. 37). В настоящем деле ни в одном из судебных процессов намерения ввести суды в заблуждение о фактическом праве собственности на имущество в целях избежать конфискации установлено не было.

53. Постановление Пленума Верховного суда требовало от судов при рассмотрении гражданских дел учитывать всю совокупность совместной собственности супругов и, с учетом презумпции равенства долей супругов, определять фактическую долю каждого супруга, включая имущество, как подлежащее конфискации, так и не подлежащее ей (см. выше п. 38). Таким образом, представляется, что первый заявитель вправе законно ссылаться на вышеуказанные нормы в обоснование требования равной доли в совместном имуществе супругов.

54. В свете вышеизложенных обстоятельств Европейский Суд признает, что требование первого заявителя признания права собственности на долю в совместном имуществе супругов и требование второго заявителя о признании ее права собственности на компьютер имели основания в действующем законодательстве, а именно – были основаны на нормах Гражданского и Семейного кодекса Российской Федерации, а также были основаны на практике Верховного суда. Они могли законно и обоснованно утверждать, что решение суда об обращении конфискации на арестованное имущество от 14 августа 2001 г. являлось вмешательством в их право на беспрепятственное пользование имуществом, а Европейскому Суду необходимо установить, было ли их требование рассмотрено российскими судами в соответствии с требованиями ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

(b) Было ли требование заявителей рассмотрено в соответствии с требованиями ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции

55. Ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции включает три четких правила: первое правило, изложенное в первом предложении первого пункта, имеет общий характер и излагает принцип беспрепятственного пользования собственностью; второе правило, содержащееся во втором предложении первого пункта, охватывает лишение имущества и относит это к определенным условиям; третье правило, заявленное во втором пункте, признает, что Договаривающиеся государства уполномочены, *inter alia*¹, контролировать использование собственности в соответствии с общим интересом (см., среди недавних источников, Постановление Европейского Суда по делу «Брониовски против Польши» (*Broniowski v. Poland*) [БП], п. 134, жалоба № 31443/96, ECHR 2004-V). Стороны не заняли четкой позиции по вопросу, согласно какому правилу ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции необходимо рассматривать дело. Европейский Суд считает, что данный вопрос разрешать не требуется, поскольку принципы, регламентирующие вопрос обоснования, в основном, являются идентичными, в том числе в отношении законности цели любого рода вмешательства, а также соразмерности и сохранения справедливого баланса.

56. Европейский Суд подчеркивает, что первое и наиболее важное требование ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции заключается в том, что любое вмешательство со стороны органов власти в неограниченное право пользования имуществом должно быть «законным»: второй пункт признает, что государства вправе контролировать использование имущества путем применения «законов». Более того, это одно из следствий верховенства закона, одного из фундаментальных

¹ среди прочего

принципов демократического общества, присущего всем статьям Конвенции. Вопрос о том, был ли установлен справедливый баланс между требованиями в интересах всего общества и требованиями защиты фундаментальных прав личности, становится значимым только после признания того факта, что рассматриваемое вмешательство удовлетворяет требованиям законности и не являлось произвольным (см., среди иных источников, Постановление Европейского Суда от 9 июня 2005 г. по делу «*Бакланов против Российской Федерации*» (*Baklanov v. Russia*), п. 39, жалоба № 68443/01, а также Постановление Европейского Суда от 24 марта 2005 г. по делу «*Фризен против Российской Федерации*» (*Frizen v. Russia*), п. 33, жалоба № 58254/00).

57. Европейский Суд отмечает, что специальные правовые нормы, предусматривающие применение конфискации, ни в приговоре Московского городского суда от 14 января 2001 г., ни в решениях иных российских судов упомянуты не были. Ввиду данного недостатка Европейский Суд вынужден догадываться о правовом обосновании рассматриваемого вмешательства. При этом, хотя в самом решении и нет явной ссылки на нормы, на которых оно основано, можно понять, что решение о конфискации было принято в качестве дополнительной санкции согласно ст. 52 и 275 Уголовного кодекса в совокупности с п. 4 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (см. выше пп. 33, 34 и 35). Рассматриваемое вмешательство, таким образом, можно считать «законным».

58. Европейский Суд считает, что меры по конфискации в уголовном судопроизводстве направлены на соблюдение интересов общества, поскольку конфискация денежных средств или имущества, полученного преступным путем либо оплаченного из доходов от преступлений, является необходимой и эффективной мерой борьбы с преступностью (см. Постановление Европейского Суда от 22 февраля 1994 г. по делу «*Раймондо против Италии*» (*Raimondo v. Italy*), п. 30, стр. 17, Серия А № 281-А). Вышеуказанные меры по конфискации соответствуют целям Конвенции Совета Европы в рамках Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и финансирования терроризма, которая требует от государств-участников ввести конфискацию средств и результатов тяжких преступлений (п. 3 ст. 3 Конвенции). Таким образом, принятие решения о конфискации имущества, полученного преступным путем, соответствует общим интересам как средство, удерживающее от участия в преступной деятельности, а также гарантирующее, что совершение преступления будет являться невыгодным (ср. с Постановлением Европейского Суда по делу «*Филлипс против Соединенного Королевства*» (*Phillips v. the United Kingdom*), п. 52, жалоба № 41087/98, ECHR 2001-VII, а также с Решением Европейского Суда от 10 июля 2007 г. по делу «*Дасса*

Фаундэйшн и другие против Лихтенштейна» (Dassa Foundation and Others v. Liechtenstein), жалоба № 696/05).

59. Европейский Суд также вновь отмечает, что, хотя п. 2 ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции не содержит явных процессуальных требований, Европейский Суд постоянно требует, чтобы национальное судопроизводство предоставляло потерпевшей стороне разумную возможность пересмотра своего дела полномочным органам власти для эффективного оспаривания мер, нарушающих гарантированные данной нормой права. Для определения соблюдения данного условия необходимо провести сравнение применимых процедур (см. Постановление Европейского Суда по делу «Йокела против Финляндии» (*Jokela v. Finland*), п. 45, жалоба № 28856/95, ECHR 2002-IV, а также Постановление Европейского Суда от 24 октября 1986 г. по делу «АГОСИ против Соединенного Королевства» (*AGOSI v. the United Kingdom*, п. 55, Серия А № 108).

60. В настоящем деле изъятие и последующая конфискация были обоснованы документами и проведены в рамках уголовного судопроизводства в отношении Моисеева. Заявители сторонами в указанном производстве не являлись и законных оснований подавать требования или какие-либо ходатайства не имели. Принимая решение о конфискации, соответствующий суд не рассматривал, могли ли какие-либо объекты конфискации принадлежать первому или второму заявителям. Первый заявитель обратилась в суд второй инстанции с заявлением об освобождении ее доли в общем имуществе супругов от ареста, а также гаража, однако, какого-либо ответа или возможности участвовать в рассмотрении дела судом второй инстанции она не получила (см. выше п. 15). Из решения Хорошевского районного суда от 27 февраля 2003 г. следовало, что первый заявитель имела возможность обжаловать приговор по уголовному делу в части, касающейся спорного имущества, однако, суд не ссылаясь на какие-либо нормы права, которые бы позволяли подать такую жалобу лицу, которое не обладало процессуальным положением в рамках уголовного судопроизводства. Власти Российской Федерации, со своей стороны, не указали какой-либо нормы российского законодательства, которая бы позволила супруге или дочери осужденного подавать ходатайства в суде первой или второй инстанции.

61. Если право собственности на имущество, в отношении которого было вынесено решение о конфискации, оспаривается лицами, которые не являлись сторонами уголовного судопроизводства, ст. 442 Гражданского процессуального кодекса предоставляла таким лицам право на виндикацию своих прав собственности в рамках гражданского судопроизводства. Заявители воспользовались данным правом, подав два гражданских иска, сначала – к службе приставов и Федеральной службе безопасности, поскольку последняя являлась следственным органом по делу Моисеева, а затем – к Фонду

федерального имущества. При рассмотрении исковых требований заявителей суды должны были обратить внимание на возможность того, что конфискованное имущество могло принадлежать членам семьи, а не самому Моисееву, и должны были установить, являлись ли заявители собственниками имущества. Однако суды при рассмотрении гражданских дел отказались обращать внимание на существо виндикационных исков или проводить какое-либо независимое рассмотрение обстоятельств дела, а только лишь сослались на решение по уголовному делу в отношении Моисеева. Таким образом, 27 февраля 2003 г. Хорошевский районный суд отказал в удовлетворении иска первого заявителя на том основании, что Московский городской суд уже установил, что «спорное имущество было нажито преступным путем» (см. выше п. 27). 9 августа 2005 г. тот же районный суд отказал в удовлетворении ее нового иска, установив, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу постановлением суда по предшествующему делу, являются для суда обязательными», и отказал в удовлетворении иска второго заявителя по причине того, что компьютер уже был «конфискован и реализован» (см. п. 30 выше).

62. Последовательная неспособность Хорошевского районного суда и Московского городского суда обратить внимание на существо исковых требований заявителей о виндикации их собственности явилась нарушением требований российского законодательства. В ряде Постановлений Пленума Верховного суда последовательно напоминает судам общей юрисдикции о том, что решение об обращении конфискации на арестованное имущество может применяться только к той части совместного имущества, которая принадлежит осужденному, и не может влиять на права собственности совместно проживающих членов семьи, если только не было установлено, что имущество было нажито преступным путем и оформлено на членов семьи во избежание конфискации. Для достижения надлежащего баланса интересов суды, рассматривавшие иски об освобождении от ареста доли имущества другого супруга, должны были определить часть каждого супруга с учетом всей совокупности семейного имущества таким образом, чтобы доля имущества каждого супруга состояла из конфискованного и неконфискованного имущества (см. выше пп. 37 и 38). Первый заявитель обосновывала требование на признание права собственности на половину имущества супругов доказательствами, подтверждающими законность происхождения как минимум части семейного имущества, например, справками о заработной плате Моисеева от Министерства иностранных дел, а также договором аренды на гараж для автомобиля. При том, что российские суды не признали данные доказательства недопустимыми, об этом в их решениях не упоминалось, и, кроме того, решения не содержали

какого-либо анализа состава семейного имущества. Следовательно, российские суды не провели общей оценки семейного имущества, не определили разграничения прав на имущество членов семьи, тогда как решение обоих указанных вопросов по применимому российскому законодательству было обязательным.

63. После того, как Моисеев был освобожден от наказания в виде конфискации автомобиля в результате изменений российского уголовного законодательства, и после того, как судебные приставы-исполнители вынесли постановления, в которых было установлено, что конфискация банковских владов, личного имущества и гаража не являлась возможной, первый заявитель вновь подала исковое заявление об освобождении от ареста супружеской доли в спорных денежных средствах, а второй заявитель требовала виндикации на основании своего права собственности на компьютер. Однако второй гражданский иск был рассмотрен столь же упрощенно. Российские суды не учли свидетельств и пояснений заявителей, не дали общей оценки семейному имуществу для определения долей супругов. Исковое требование второго заявителя о признании ее права собственности на компьютер было аналогичным образом отклонено без каких-либо объяснений, почему ее утверждение, что компьютер был подарен ей родителями, было признано неправдоподобным. Хорошевский районный суд и Московский городской суд в своих решениях какие-либо нормы Гражданского или Семейного кодексов Российской Федерации не упомянули и на них не сослались.

64. В свете вышеизложенного Европейский Суд признает, что заявители «понесли индивидуальное и чрезмерное бремя», которое могло быть признано законным только в том случае, если бы у них была возможность эффективно оспорить меры по обращению конфискации на имущество, примененные в рамках уголовного судопроизводства, сторонами которого они не являлись; тем не менее, они были лишены такой возможности и в последующих гражданском производстве, следовательно, «справедливый баланс, который должен быть установлен между защитой права собственности и интересами общества», был нарушен (ср. с Постановлением Европейского Суда от 22 сентября 1994 г. по делу *«Хентрич против Франции»* (*Hentrich v. France*), п. 49, Серия А № 296-А).

65. Следовательно, имело место нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

II. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

66. Первый заявитель также обжаловала в свете ст. 8 Конвенции производство обыска в их квартире, который имел место в ночное время 3 июля 1998 г. Кроме того, заявители, в рамках п. 1 ст. 6 Конвенции, жаловались на то, что судебное производство, которое

длилось с 3 июля 1998 г. по 18 июня 2003 г., превысило «разумный срок».

67. Европейский Суд вновь отмечает, что уже признал неприемлемой жалобу по факту обыска в квартире Моисеева 3 июля 1998 г. по причине неисчерпания внутренних правовых средств защиты (см. Решение Европейского Суда от 9 декабря 2004 г. по делу *«Моисеев против России» (Moiseyev v. Russia)*, жалоба №62936/00). Никаких причин отклоняться от вышеуказанных выводов по настоящему делу не имеется.

68. Европейский Суд также отмечает, что последовательного ряда судебных заседаний с 3 июля 1998 г. по 18 июня 2003 г. не существовало. Заявители сторонами уголовного судопроизводства по делу Моисеева не являлись, первый заявитель подала первый гражданский иск только 13 мая 2002 г. Исковые требования были окончательно отклонены 18 июня 2003 г., то есть через один год и один месяц. Данный период является коротким, никаких признаков нарушения требования о «разумном сроке» не имеется.

69. Отсюда следует, что данная часть жалобы является явно не обоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пп. 3 и 4 ст. 35 Конвенции

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

70. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

71. Первый заявитель потребовала уплаты следующих сумм в счет компенсации материального ущерба:

- 6 657,50 евро в счет компенсации потери дохода от сдачи гаража в аренду, а также земельного налога, который она была обязана платить за соответствующий участок;
- 2 712,60 евро в счет половины амортизационной стоимости автомобиля «ВАЗ» и транспортного налога, который она была обязана за него уплачивать; а также
- 3 537,80 евро в счет половины денежных средств, принадлежащих ей как супруге плюс процент по ставке рефинансирования Банка России

72. Второй заявитель требовала 800 евро, что составляет примерную стоимость компьютера, аналогичного принадлежавшему ей.

73. Заявители также потребовали 30 000 евро и 20 000 евро, соответственно, в счет компенсации морального вреда. Кроме того,

они совместно потребовали 374,60 евро в счет компенсации судебных издержек, понесенных в ходе судопроизводства на национальном уровне, 122,20 евро в счет компенсации судебных расходов и издержек и 3 000 евро в счет оплаты услуг представителя в Европейском Суде.

74. Власти Российской Федерации отметили, что обязательство уплаты налогов, в том числе – земельного и транспортного налогов, вытекает из права собственности. Права собственности на автомобильный гараж и сам автомобиль Моисеева и первого заявителя не оспаривались, соответственно, они обязаны уплачивать налоги. Требование компенсации арендной платы является спорным, а оценка амортизационной стоимости автомобиля какими-либо документами не подтверждается. Требование второго заявителя в отношении стоимости компьютера ввиду незначительной суммы, которую принесла реализация компьютера, является чрезмерным. Кроме того, власти Российской Федерации считали, что требование компенсации морального вреда являлось по сумме необоснованным, а заявители не представили необходимых документов, подтверждающих их требования по судебным расходам и издержкам.

75. Европейский Суд полагает, что вопрос о применении ст. 41 Конвенции не готов к разрешению. Соответственно, его рассмотрение откладывается, и разбирательство дела будет возобновлено с учетом любого соглашения, которое может быть достигнуто между властями Российской Федерации и заявителями (п. 1 правила 75 Регламента Европейского Суда).

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД

1. *Признал* единогласно приемлемой жалобу в части предполагаемого нарушения прав собственности заявителей и неприемлемой в остальной части;
2. *Постановил*, шестью голосами против одного, что имело место нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции;
3. *Постановил*, шестью голосами против одного, что вопрос о применении ст. 41 Конвенции еще не готов для принятия по нему решения и, соответственно:
 - (а) *отложил* рассмотрение указанного вопроса;
 - (б) *предложил* властям Российской Федерации и заявителям в течение трех месяцев со дня вступления Постановления в законную силу, в соответствии с п. 2 ст. 44 Конвенции, представить

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА ПО ДЕЛУ
«ДЕНИСОВА И МОИСЕЕВА ПРОТИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

письменные замечания по данному вопросу и, в частности, уведомить Европейский Суд о любом соглашении, которого они могут достичь;

(с) *отложил* дальнейшее разбирательство дела и *поручил* Председателю Палаты возобновить его при необходимости.

Совершено на английском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменной форме 1 апреля 2010 г., в соответствии с пп. 2 и 3 правила 77 Регламента Европейского Суда.

Андре Вампач
Заместитель Секретаря Секции Суда

Кристос Розакис
Председатель Палаты

В соответствии с п. 2 ст. 45 Конвенции, а также п. 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему Постановлению прилагается особое мнение судьи Н. Вайич.

К.Л.Р.
А.М.В.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВАЙИЧ

Я не могу признать наличие в данном деле нарушения прав собственности заявителей в рамках ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

Согласно национальному законодательству, суд при рассмотрении уголовного дела вправе принять решение о конфискации имущества, полученного преступным путем; выводы о том, что имущество получено в результате преступления, являются выводами об обстоятельствах дела. В настоящем деле данный вопрос был рассмотрен в рамках уголовного судопроизводства, в результате которого вынесен приговор (см. пп. 14-16 Постановления), заранее исключающее какие-либо дальнейшие требования. По данному вопросу Постановление № 7 Пленума Верховного суда СССР гласит: **«При этом, если приговором суда установлено, что включенное в опись имущество приобретено осужденным преступным путем либо на средства, добытые им преступным путем, и лишь в целях сокрытия его от конфискации оформлено по фиктивным сделкам на имя других лиц ... то иски об исключении имущества из описи не подлежат удовлетворению»** (см. п. 37 Постановления) (добавлено подчеркивание).

Как и в большинстве стран, в России гражданское законодательство отказывает имуществу, нажитому преступным путем, в какой-либо защите.

Следовательно, в данной ситуации заявители не могли стать и не стали собственниками спорного имущества, соответственно, были не вправе требовать выделения своей доли в имуществе, поскольку их требование не было основано на российском законодательстве (вопреки утверждению п. 52 Постановления). Этот же факт был признан и российскими судами (см. пп. 27-28 и 30 Постановления). Таким образом, с точки зрения прецедентного права Европейского Суда, заявители, вопреки мнению большинства (см. пп. 51-54 Постановления), не обладают достаточно обоснованным правом требования, которое бы отвечало признакам имущества, защищаемого ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.

По вышеизложенным причинам я считаю, что заявители не обладают защищаемым Конвенцией правом и не могут иметь обоснованных ожиданий приобрести право, и я не согласен с большинством в том, что имело место нарушение ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции.